
**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В НАУКАХ КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА**

**INTERDISCIPLINARY RESEARCH IN THE SCIENCES
OF THE CRIMINAL CYCLE**

Научная статья

УДК 340.113; 343.9.018; 340.63

EDN WCSHXA

DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(6).700-711

**ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ КАК СРЕДСТВО
ДОСТИЖЕНИЯ ЕДИНСТВА ИСТОЧНИКОВ ТЕРМИНОЛОГИИ
И РЕГУЛИРОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КАЗУСА ОБВИНЕНИЯ
ПО СТАТЬЕ 132 УК РФ)**

Г.Н. Носачев¹, М.Ю. Спирин², В.М. Семенов³

¹ Самарский государственный медицинский университет, г. Самара, Российская Федерация

² Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

³ Город Самара, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

5 сентября 2022 г.

Дата принятия в печать

15 декабря 2022 г.

Дата онлайн-размещения

20 декабря 2022 г.

Ключевые слова

Междисциплинарные научные исследования; трансдисциплинарность; терминологическое единство информации; единство источников регулирования; иные действия сексуального характера; беспомощное состояние лица; беспомощность; юриспруденция; судебная психология; судебная психиатрия

Аннотация. В статье производится терминологический анализ судебного казуса по обвинению несовершеннолетнего лица в совершении преступления, предусмотренного ст. 132 УК РФ. В ходе анализа устанавливается терминологическая неоднозначность, а также отсутствие теоретического и практического единства в понимании категорий «иные действия сексуального характера», «беспомощное состояние лица» и «беспомощность». Произведена детальная аргументация обнаруженной терминологической неоднозначности со ссылками на действующее федеральное законодательство, подзаконные нормативные правовые акты РФ, а также постановления Конституционного Суда РФ и постановления Пленума Верховного Суда РФ, содержащие нормативные предписания и результаты оценки обобщенной судебной практики.

В рамках рассмотрения заявленной проблематики определяются особенности других спорных и многозначных категорий юриспруденции (источник права, злоупотребление правом и т.п.), ставится вопрос о важности проведения междисциплинарного анализа содержания заявленных многозначных категорий и терминов юридической науки с целью нахождения возможности их адекватного толкования, в том числе на уровне юридической практики.

На основе детального рассмотрения указанной проблемы неясности терминологии при реализации исключительно формально-юридического (догматического) метода делается вывод о необходимости применения не только междисциплинарной методики исследования, но и трансдисциплинарного подхода для достижения единства понимания специально-юридической терминологии средствами иных наук, в том числе судебной психологии, сексологии и судебной психиатрии. При этом данный вывод делается как на примере рассмотренных в статье специальных категорий (иные действия сексуального характера, беспомощное состояние лица, беспомощность), так и по отношению к специальной юридической терминологии в целом.

Обозначена проблема создания в процессе реализации такого трансдисциплинарного подхода единых источников нормативной информации для удобства единообразного применения права органами публичной власти и их должностными лицами при возникновении сомнений в содержании многозначных и имеющих объективно межнаучный характер категорий и терминов юриспруденции. Делается принципиальный вывод о необходимости качественного изменения научной методологии в условиях современного общества XXI в.

© Носачев Г.Н., Спирин М.Ю., Семенов В.М., 2022

Original article

TRANSDISCIPLINARITY AS A MEANS OF ACHIEVING THE UNITY OF TERMINOLOGY AND REGULATION SOURCES (USING THE EXAMPLE OF AN ACCUSATION CASUS UNDER ARTICLE 132 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Gennadiy N. Nosachev¹, Mikhail Yu. Spirin², Vladimir M. Semenov³

¹ Samara State Medical University, Samara, the Russian Federation

² Samara National Research University named after S.P. Korolyov, Samara, the Russian Federation

³ Samara, the Russian Federation

Article info

Received

2022 September 5

Accepted

2022 December 15

Available online

2022 December 20

Keywords

Interdisciplinary research; transdisciplinarity; terminological unity of information; unity of regulation sources; other acts of a sexual nature; helpless state of a person; helplessness; jurisprudence; forensic psychology; forensic psychiatry

Abstract. The paper presents a terminological analysis of a court casus when an underage person was accused of a crime under Art. 132 of the Criminal Code of the Russian Federation (the RF). The analysis established a terminological ambiguity, as well as an absence of theoretical and practical unity in the understanding of the categories «other actions of sexual nature», «helpless state of a person» and «helplessness». The authors present a detailed demonstration of the uncovered terminological ambiguity using references to the current federal legislation, subordinate legal acts of the RF, as well as Decrees of the Constitutional Court of the RF and Decrees of the Plenums of the Supreme Court of the RF containing normative prescriptions and the results of generalized court practice's assessment.

The context of the stated issues is used to define specific features of other debatable and ambiguous categories of jurisprudence (the source of law, the abuse of the right and so on), the authors stress the importance of conducting an interdisciplinary analysis of the contents of the analyzed ambiguous categories and terms of the legal science with the purpose of finding an opportunity for their adequate interpretation, including an interpretation for legal practice.

A detailed examination of the abovementioned problem of ambiguous terminology using only a formal-legal (dogmatic) method allowed the authors to conclude that it is necessary to apply not only an interdisciplinary research methodology, but also a transdisciplinary approach in order to achieve a unity in understanding specific legal terminology by the methods of other sciences, including forensic psychology, sexology and forensic psychiatry. This conclusion is made for both the special categories examined in the article (other acts of sexual nature, helpless state of a person, helplessness) and special legal terminology in general.

The authors outline the problem implementing such a transdisciplinary approach to create unified sources of normative information, which could ensure consistent and uniform law enforcement practices of public authorities and their officials if cases when doubts arise concerning the contents of multi-purpose and objectively inter-sectorial categories and legal terms. The authors come to the fundamental conclusion that a quality research methodology needed in the conditions of the modern society of the 21st century.

Введение

Одним из необходимых свойств любой науки, особенно ее междисциплинарных разделов, является некоторое единство терминологии (терминологическая определенность). Говоря о таком единстве, следует иметь в виду, что и в рамках одной науки взгляды ее представителей, придерживающихся разных направлений и подходов (школ), на определение содержания того или иного ее термина не всегда совпадают. Так, многозначной и методологически запутанной выступает проблема понимания содержания категории «источник права», по поводу которой уже почти сто лет ведутся споры в отечественной юриспруденции [1]. Можно вспомнить также проблему

единства понимания существа такого значимого правового явления, как злоупотребление правом, в отношении которого специалисты в течение десятилетий не могут прийти к единому мнению [2]. Если же говорить о психиатрии, то расхождение в понимании клинического содержания и диагностической значимости базисных психопатологических понятий, разночтение в их определении и интерпретации создают трудности при сравнительном рассмотрении и обобщении результатов научных исследований, делают результаты таких исследований несопоставимыми и неприменимыми на практике [3; 4].

Следует согласиться с В.И. Крыловым в том, что «возможность различной интерпретации

ключевых психопатологических понятий дает основание говорить о существовании «терминологического хаоса», порождающего систематические ошибки при оценке психического состояния» [5], т.е. при диагностике психических и поведенческих расстройств лиц.

Более того, порой возникают такие ситуации, когда само подлежащее определению явление существует, но его официально установленное определение отсутствует.

Подобный «терминологический хаос» может возникать в случае взаимодействия представителей не только различных школ в рамках одной науки, но и разных наук по отношению к одной исследуемой проблематике. Например, взаимодействие (в любой комбинации) эксперта-психиатра, следователя, адвоката, прокурора, судьи при назначении, проведении и интерпретации результатов судебно-психиатрической экспертизы.

Упомянутый «терминологический хаос» существенно затрудняет как проведение самой экспертизы, так и дальнейшее обсуждение ее результатов специалистами разных направлений научного знания. Следовательно, подобный хаос затрудняет путь к объективному решению по конкретному делу, которым фактически определяется судьба человека.

Каковы возможные пути решения данной проблемы? По мнению М.С. Гусельцевой, решение проблемы взаимодействия различных наук при рассмотрении практических вопросов в одной сфере можно найти в более широком переходе к трансдисциплинарности. Как указывает М.С. Гусельцева, «речь здесь идет о возможности представить трансдисциплинарный подход на разных уровнях методологии науки — конкретно-научном и общенаучном. В этом смысле трансдисциплинарность понимается как стратегия анализа сложных и динамических феноменов, предполагающая сознательное, вариантное, ситуативно обусловленное использование методологических оптик различных дисциплин. Трансдисциплинарное состояние современной науки характеризуется тем, что каждая дисциплина рассматривается одновременно как суверенная и открытая система; в антиномиях традиции и инновации; изменения в ней совершаются посредством заимствования опыта смежных дисциплин при сохранении собственной научной идентичности» [6].

Стоит отметить, что трансдисциплинарность в данном случае выступает сильно модифицированной версией междисциплинарных научных исследований в соответствии с повышенным

уровнем сложности современных социогуманитарных проблем общественного развития.

В соответствии с этим целью данной статьи является обсуждение возможного трансдисциплинарного взаимодействия в медицинском и юридическом понимании судебно-психиатрической терминологии и ее интерпретации на примере казуса обвинения 15-летнего несовершеннолетнего лица в совершении преступления, предусмотренного ст. 132 УК РФ.

Краткая фабула дела: детско-подростковая группа (15-летний оказался среди несовершеннолетних самым старшим), объединенная совместными футбольными тренировками, затеяла в квартире парные соревнования. При этом проигравший в соревновании должен был поместить в рот половой член выигравшего. Видео данной «игры» было выложено в сеть Интернет.

При анализе данного казуса возникают вопросы, относящиеся к компетенции целого ряда специалистов (экспертов) — психиатров, психологов, сексологов и юристов.

Казус был квалифицирован по ст. 132 УК РФ «Насильственные действия сексуального характера». Для краткости (но без ущерба для понимания сути проблематики казуса) не будем приводить ее полный текст со всем многообразием квалифицированных составов, а ограничимся лишь ч. 1 данной статьи, которой установлено: «Мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшему (потерпевшей) или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей) — наказываются лишением свободы на срок от трех до шести лет».

Как видим, нам встретилось понятие «иные действия сексуального характера», с одной стороны, а с другой — понятие «беспомощное состояние». Помня о нашем конкретном случае, спросим себя, а относится ли то действие, которое совершалось в рассматриваемом случае, а именно: проигравший помещал в рот половой член выигравшего, к «иным действиям сексуального характера». При этом следует отметить, что нормативные документы сугубо медицинского или санитарно-надзорного характера не содержат не только ответа на указанный вопрос, но даже и предположения о том, что сам такой вопрос может быть задан¹.

¹ Клинические рекомендации «Сифилис»: утв. Минздравом России // СПС «КонсультантПлюс»; Организация оповещения партнеров ВИЧ-инфицированных

То есть все очевидно до смешного?

Но какой уж тут смех, если речь идет о лишении свободы. Это — с одной стороны. А с другой стороны — ч. 1 ст. 1 УК РФ, где однозначно установлено, что «уголовное законодательство РФ состоит из настоящего Кодекса. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс». К этому следует добавить указание ст. 3 УК РФ, в соответствии с которой:

«1. Преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом.

2. Применение уголовного закона по аналогии не допускается».

Исходя из вышеизложенного, необходимо сделать вывод, что определение «иных действий сексуального характера» должно содержаться в нормах УК РФ. Но его там нет.

Нет такого определения и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» от 4 декабря 2014 г. № 16.

Конституционный Суд РФ своим определением от 24 марта 2005 г. № 135-О отказал в принятии к рассмотрению в заседании Конституционного Суда РФ жалобы гражданина И.Л. Чернышева на неконституционность ст. 132 УК РФ,

лиц : метод. рекомендации : утв. Минздравсоцразвития РФ 6 авг. 2007 г. № 5954-РХ // Там же ; Эпидемиологическое расследование случая ВИЧ-инфекции и проведение противоэпидемических мероприятий : метод. рекомендации : утв. Минздравсоцразвития РФ 20 сент. 2007 г. № 6963-РХ // Там же ; О проведении поведенческого надзора среди больных ВИЧ-инфекцией : метод. рекомендации : утв. Минздравсоцразвития РФ 20 сент. 2007 г. № 6966-РХ // Там же ; МР 2.1.10.0033-11. 2.1.10. Состояние здоровья населения в связи с состоянием окружающей среды и условиями проживания населения. Оценка риска, связанного с воздействием факторов образа жизни на здоровье населения : метод. рекомендации : утв. Роспотребнадзором 31 июля 2011 г. М., 2012 ; МР 3.1.0087-14. 3.1. Профилактика инфекционных болезней. Профилактика заражения ВИЧ : метод. рекомендации : утв. Роспотребнадзором 18 марта 2014 г. // Бюллетень нормативных и методических документов Госсанэпиднадзора. 2014. № 3 ; Организация профилактики ВИЧ-инфекции среди различных групп населения : метод. рекомендации : утв. Минздравсоцразвития РФ 20 дек. 2006 г. № 6834-РХ // СПС «КонсультантПлюс» ; Профилактика жестокого обращения с детьми и насилия в семье : метод. рекомендации : утв. Комитетом здравоохранения г. Москвы 15 окт. 1999 г. № 18 // Там же ; Рекомендации по здоровому образу жизни : метод. пособие для терапевтов и врачей общ. практики : утв. Минздравсоцразвития РФ 29 дек. 2006 г. М., 2006.

которая, по мнению заявителя, обусловлена тем, что неопределенность содержащегося в ней понятия «иные действия сексуального характера» в противоречии со ст. 19 и 55 Конституции РФ допускает различное толкование этой нормы.

Отказывая в принятии к рассмотрению, Конституционный Суд РФ в названном определении отметил: «Статья 132 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за насильственные действия сексуального характера, т.е. за мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшему (потерпевшей) или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей), и имеющая своей целью защиту личности от такого рода посягательств, как таковая конституционные права заявителя в конкретном уголовном деле не нарушает».

В силу авторитетности и высокой юридической силы решения Конституционного Суда РФ будем придерживаться изначального вывода о том, что ст. 132 УК РФ не нарушает «права заявителя в конкретном уголовном деле». Но при этом Конституционный Суд РФ не расшифровал, защиту личности от какого именно рода посягательств имеет своей целью указанная статья УК РФ, так как просто привел в своем определении текст указанной статьи.

Также и в комментариях к УК РФ [7–15] содержатся такие разного рода определения, но каково их практическое, судебное значение с учетом положений ст. 1 и 3 УК РФ? Может возникнуть мысль о том, что проблемы тут нет и, возможно, все действительно очевидно.

Но почему же тогда Красноярский краевой суд, обобщая в соответствии с планом работы Верховного Суда РФ судебную практику по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 131, 132 и 133 УК РФ, рассмотренных судами Красноярского края за 2001 г. и первое полугодие 2002 г., отметил: «Изучение судебной практики показало, что судами Красноярского края в основном правильно рассматривались дела о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Вместе с тем при рассмотрении дел указанной категории *отсутствует единообразие в квалификации действий виновных при однотипных обстоятельствах совершения преступлений*» (курсив наш. — Авт.).

И вслед за указанной констатацией *отсутствия единообразия* Красноярский краевой суд

представил свое развернутое видение того, что такое «иные действия сексуального характера».

Шаг к тому, чтобы формально определить «иные действия сексуального характера», сделан в ст. 36 Конвенции Совета Европы по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье, которая заключена в Стамбуле 11 мая 2011 г. и вступила в силу 1 августа 2014 г. Но Россия в этой конвенции не участвует.

Одним из сопутствующих, побочных выводов из нашего предыдущего изложения является предположение о том, что вся судебная практика по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 132 УК РФ, основана исключительно на судебном усмотрении и в силу приведенных ранее положений ст. 1 и 3 УК РФ противоречит уголовному закону. Основной же вывод заключается в том, что в уголовном законе отсутствует определение «иных действий сексуального характера». При этом предположим, что указанное отсутствие обусловлено в том числе и тем, что формирование, выработка самого понятия «действия сексуального характера», в том числе и «иные действия сексуального характера», выходит за пределы предмета юриспруденции и, следовательно, не может быть полноценно произведена в рамках исключительно этой науки.

В связи с этим с опорой на трансдисциплинарный подход следует искать решение (в «конкретно-научном и общенаучном» смысле), в частности, с использованием подходов психиатрии, в основном судебной, сексопатологии и психологии, практической и возрастной сексологии.

Если же подойти к выработке представления о том, что является «действиями сексуального характера» и «иными действиями сексуального характера» с позиций психиатрии, психологии, а также сексологии как психологии сексуальных отношений, то нам следует задаться вопросом о том, какой признак или какие признаки позволят утверждать, что те или иные действия являются действиями сексуального характера. И, отвечая на этот вопрос, видимо, имеет смысл определиться с тем, какие признаки принципиально отличают сексуальное поведение от иного.

Основным, данным человеку природой действием сексуального характера является коитус, т.е. генитальный контакт двух индивидов с целью получения полового удовлетворения, а также для продолжения рода. Как следует из этого, цель полового акта двойственна. Одна из ее составляющих — репродуктивная (воспроизведение потомства), другая — гедонистическая (получение

удовольствия). Гедонистическая составляющая коитуса является основной с точки зрения сексологии как психологии сексуальных отношений. Как представляется, нужно согласиться с В.А. Жмуровым в том, что секс в иерархии потребностей массы людей прочно утвердился как важнейший источник чувственного наслаждения [16].

В силу этого правомерным является утверждение, что необходимым признаком действий именно сексуального характера является стремление получить самому или доставить другому (или то и другое вместе) сексуальное удовлетворение.

При этом нам возразят, мол, «открыли Америку», это же очевидно, что стремление к получению или доставлению другому лицу сексуального удовлетворения является признаком действия сексуального характера. Мы же ответим на это, что рады за тех, кто так считает. Но фигуранту упомянутого выше уголовного дела было предъявлено обвинение по ст. 132 УК РФ, хотя стремление к сексуальному удовлетворению в его действиях не наблюдалось.

Продолжая наши рассуждения, следует отметить, что, притом что действия сексуального характера характеризуются единым присущим им необходимым признаком, заключающимся в стремлении к сексуальному удовлетворению, стремление это может проявляться в достаточно разнообразных действиях, как перечисленных далее, так и других, список которых не может быть закрытым, так как человеческая изобретательность в стремлении к сексуальному удовлетворению не знает границ.

Тем не менее можно определить и некую единую внешнюю характеристику, которая так или иначе будет присуща всем действиям сексуального характера. И этой обобщенной, универсальной характеристикой является та или иная степень подобию изначальному, основному природному действию сексуального характера, каковым является коитус. Стоит заметить, что в ныне действующем уголовном законе законодатель осознанно или неосознанно обозначил именно такой подход к классификации действий сексуального характера, но не выразил его в полном объеме.

В этом смысле выделяют гетеросексуальный коитус, т.е. коитус между мужчиной и женщиной, и гомосексуальный коитус — между однополыми индивидами. С учетом изложенного отметим, что в ст. 131 УК РФ рассматривается первый из упомянутых коитусов, т.е. гетеросексуальный. В этой статье определяется (при-

менительно к ранее изложенному подходу) действие сексуального характера, полностью совпадающее с природным образцом (т.е. с гетеросексуальным коитусом), относительно которого классифицируются другие действия сексуального характера.

В ст. 132 УК РФ в явном виде упомянуты мужеложство и лесбиянство, т.е. обе формы гомосексуального коитуса, ущербные относительно гетеросексуального коитуса, так как посредством них не реализуется биологическая (репродуктивная) функция гетеросексуального коитуса, но вполне относимые к действиям сексуального характера, так как гедонистическая функция гетеросексуального коитуса через них реализуется в полной мере.

Таким образом, в нормах УК РФ в явном виде упомянуты такие виды сексуального поведения, как гетеросексуальный коитус и гомосексуальный коитус.

Думается, что и действия для отнесения их к «иным действиям сексуального характера» следует «проверять», как было упомянуто выше, на предмет подобия гетеросексуальному коитусу как, и прежде всего, в смысле реализации гедонистической функции гетеросексуального коитуса, так и в смысле состояния органов, отвечающих за проведение гетеросексуального коитуса, т.е. в смысле состояния половых органов. Следовательно, это различные виды воздействия (как ласки, так и болевые воздействия) на различные органы чувств для стимуляции полового возбуждения. Чаще всего это физические стимулы эрогенных зон (поцелуи, объятия, поглаживания, прикосновения и т.п.), но могут быть также слова, взгляды и даже музыка.

К таким действиям следует отнести:

- фрикции, т.е. маятникообразные пикообразные возвратно-поступательные движения, которые при гетеросексуальном коитусе совершаются половым членом во влагалище, а при «иных действиях сексуального характера» могут совершаться при посредстве эрзац-гениталий;

- онанизм (ипсация, мастурбация, рукоблудие), т.е. искусственное двигательное раздражение эрогенных зон с целью доведения до оргазма;

- петтинг, т.е. преднамеренное получение оргазма с помощью искусственного возбуждения эрогенных зон в процессе двустороннего контакта, исключая соприкосновение гениталий;

- фроттаж, т.е. сексуальное возбуждение и удовлетворение при «скрытом», случайном соприкосновении с телом, эрогенными зонами

избранного лица в толпе, транспорте, иногда с движениями, напоминающими коитус.

К «иным действиям сексуального характера» необходимо отнести также суррогатные формы коитуса, а именно:

- анализм, т.е. коитус вплоть до оргазма, осуществляемый в прямую кишку или механической стимуляцией ануса как гетеросексуальной, так и гомосексуальной парой;

- нарвасадата — введение пениса между молочными железами женщины (другие варианты — между ягодицами, в паху, в подмышечной впадине и т.п.) с суррогатными фрикциями;

- оральный секс с псевдофрикциями;

- секс с мужскими и женскими эрзац-гениталиями;

- секс по почте;

- секс по телефону;

- секс по сети Интернет и т.д.

При этом упомянутое выше состояние половых органов при совершении «иных действий сексуального характера», которое также надлежит проверять на соответствие их состоянию при гетеросексуальном коитусе, может иметь факультативно доказательный характер. То есть, например, наличие эрекции, лубрикации, эякуляции указывает на наличие сексуального характера тех или иных действий, но само их отсутствие не указывает на отсутствие этих действий.

Еще раз подчеркнем, что признаком, квалифицирующим все указанное выше (и, может быть, не указанное из-за недостатка нашей фантазии) в качестве «иных действий сексуального характера», является стремление получить самому или доставить другому (или то и другое вместе) сексуальное удовлетворение. Таким образом, в УК РФ надлежит закрепить определение «иных действий сексуального характера», которое будет выработано с учетом методологических подходов и практик различных наук, имеющих отношение к данному явлению, в том числе психиатрии, психологии, сексологии, социологии и юриспруденции.

Наряду с рассмотренным выше понятием «иные действия сексуального характера» в той же норме уголовного права встречаем еще одно понятие, используемое в рассматриваемом казусе, а именно «беспомощное состояние».

Как же УК РФ определяет то, что именуется «беспомощным состоянием»? Ответ будет почти такой же неутешительный, как и в случае с «иными действиями сексуального характера». Слово «почти» мы употребили потому, что неко-

торая расшифровка этого понятия имеется. При этом «беспомощное состояние», помимо анализируемой здесь ст. 132 УК РФ, упоминается как в других статьях УК РФ (ст. 63, 105, 110, 110.1, 111, 112, 117, 120, 127.1, 131), так и в нормах иных федеральных законов, указанных далее.

Некоторое определение того, что должно признаваться «беспомощным состоянием», дано в примечании к ст. 131 УК РФ, которое необходимо привести полностью: «Примечание. К преступлениям, предусмотренным пунктом «б» части четвертой настоящей статьи, а также пунктом «б» части четвертой статьи 132 настоящего Кодекса, относятся также деяния, подпадающие под признаки преступлений, предусмотренных частями третьей — пятой статьи 134 и частями второй — четвертой статьи 135 настоящего Кодекса, совершенные в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, поскольку такое лицо в силу возраста находится в беспомощном состоянии, то есть не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий».

Как видим, с учетом упомянутых ранее статей 1 и 3 УК кодекса РФ в уголовно-правовом смысле беспомощное состояние определено только «в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, поскольку такое лицо в силу возраста находится в беспомощном состоянии, то есть не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий».

Правда, остается без какого-либо логического обоснования допустимость участия беспомощных в указанном смысле лиц, т.е. лиц, которые не могут понимать характер и значение совершаемых с ними действий, в решении судеб других лиц, ведь беспомощные в указанном смысле лица могут быть допрошены в качестве свидетелей или потерпевших (ст. 191, 280 УПК РФ), а их показания являются доказательствами (п. 2 ч. 2 ст. 74 УПК РФ) по уголовному делу, в ходе которого разрешаются вопросы как о наличии или отсутствии преступления, так и о назначении и степени тяжести наказания. То есть перед нами беспомощные в указанном смысле лица, а именно лица, которые характер и значение совершаемых с ними действий понимать не могут, но зато могут влиять в уголовно-процессуальном смысле на жизнь и судьбу иных лиц.

Остается без ответа и вопрос о правомерности определения в качестве беспомощных лиц, которые, будучи гражданами РФ, участвуют в целом ряде правоотношений: учатся, посещают спортивные секции, участвуют в спортивных и

иных соревнованиях различного уровня, обладают в силу ст. 28 ГК РФ неполной дееспособностью малолетних лиц.

В п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» от 4 декабря 2014 г. № 16 дается уже расширительное, по сравнению с уголовным законом, толкование «беспомощного состояния», а именно: «Изнасилование и насильственные действия сексуального характера следует признавать совершенными с использованием *беспомощного состояния* потерпевшего лица в тех случаях, когда оно *в силу своего физического или психического состояния (слабоумие или другое психическое расстройство, физические недостатки, иное болезненное либо бессознательное состояние), возраста (малолетнее или престарелое лицо) или иных обстоятельств* не могло понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному. При этом лицо, совершая изнасилование или насильственные действия сексуального характера, должно сознавать, что потерпевшее лицо находится в беспомощном состоянии» (курсив наш. — Авт.).

Следовательно, беспомощное состояние здесь сопрягается, помимо фактора малолетства, еще и с другими обстоятельствами, причем перечень этих обстоятельств является фактически открытым.

Дальнейший анализ иных, кроме упомянутых ранее, как законов, так и судебных актов показывает, что разнообразие формулировок не ограничивается упомянутыми вариантами. Так, УПК РФ никоим образом не конкретизирует понятие «беспомощное состояние», а просто использует соответствующее словосочетание (ч. 4 ст. 20, ч. 8 ст. 318 УПК РФ). В ГК РФ (ст. 205), ГПК РФ (абзац 2 ч. 6 ст. 112) и федеральном законе «О страховании вкладов в банках РФ» (п. 3 ч. 2 ст. 10) болезнь и беспомощное состояние перечислены через запятую как однородные обстоятельства.

Что касается иных российских законов, то ситуация следующая. Лишь в ч. 12 ст. 11 федерального закона «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса РФ» беспомощное состояние лица упоминается как следствие «преклонного возраста, тяжелой болезни или увечья». В ч. 2 ст. 16 федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» понятие «беспомощное состояние» дается без расшифровки.

В других нормах права, в которых нам встретилось понятие «беспомощное состояние», оно дается без расшифровки и отделяется от понятия «состояние, опасное для жизни и здоровья». Упомянутые другие нормы права: п. 1 ч. 3 ст. 66 федерального закона «О службе в органах принудительного исполнения РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»; п. 1 ч. 3 ст. 12 федерального закона «О полиции»; п. 1 ч. 3 ст. 70 федерального закона «О службе в уголовно-исполнительной системе РФ и о внесении изменений в Закон РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»; п. 1 ч. 3 ст. 69 федерального закона «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»; п. 3 ч. 2 ст. 7 федерального закона «О выплатах Банка России по вкладам физических лиц в признанных банкротами банках, не участвующих в системе обязательного страхования вкладов в банках РФ»; п. 1 ч. 3 ст. 68 федерального закона «О службе в органах внутренних дел РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ».

Если в процитированном ранее примечании к ст. 131 УК РФ беспомощное состояние связано с недостижением лицом возраста 12 лет, в упомянутом пункте 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16, а также в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 (ч. 1 п. 7) и от 29 июня 2010 г. № 17 (п. 28) беспомощность связывается с малолетством или престарелым возрастом и болезненностью как физической, так и психической, то, например, в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2020 г. № 17 (ч. 2 п. 11), от 29 мая 2012 г. № 9 (подп. «а» ч. 2 п. 40), от 19 июня 2012 г. № 13 (ч. 3 п. 8), от 11 декабря 2012 г. № 29 (ч. 4 п. 10), от 29 марта 2016 г. № 11 (ч. 1 п. 30) болезнь и беспомощное состояние перечислены через запятую как однородные по своей природе обстоятельства, учитываемые судом.

В ч. 2 п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 беспомощное состояние перечислено через запятую в ряду обстоятельств, учитываемых судом, наряду с малолетством, старостью и болезнями. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 20 (ч. 7 п. 11) беспомощное состояние связывается с тяжелой травмой, бессознательным состоянием и другими обстоятельствами без расшифровки этих обстоя-

тельств. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (ч. 5 п. 23) беспомощное состояние связывается с введением в организм потерпевшего опасного для жизни или здоровья сильнодействующего, ядовитого или одурманивающего вещества.

И это мы обратили внимание лишь на термин «беспомощное состояние»! Но ведь существует еще и термин «беспомощность», значение которого, как представляется, не должно сильно отличаться от значения термина «беспомощное состояние». А как на самом деле?

В ст. 23 (п. «б» ч. 4) и 29 (п. «б») закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» от 2 июля 1992 г. беспомощность определена как «неспособность самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности», обусловленная «тяжелым психическим расстройством».

В постановлении Конституционного Суда РФ от 24 мая 2018 г. № 20-П указанная в предыдущем абзаце формулировка повторяется.

В УК РФ термин «беспомощность» используется (ст. 125), но определение ему не дано. При этом в ст. 125 УК РФ указано: «Заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вследствие своей беспомощности, в случаях, если виновный имел возможность оказать помощь этому лицу и был обязан иметь о нем заботу либо сам поставил его в опасное для жизни или здоровья состояние, — наказывается...».

Итак, в числе факторов невозможности принятия мер к самосохранению при нахождении в опасном для жизни или здоровья состоянии беспомощность упоминается наряду с малолетством, старостью и болезнью. Таким же образом, т.е. в качестве одной из причин указанной невозможности наряду с малолетством, старостью и болезнью, беспомощность упомянута и в обзоре судебной практики Верховного Суда РФ «Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за третий квартал 2006 года» от 29 ноября 2006 г.

Из указанного текста статьи УК РФ можно определенно установить только то, что беспомощность по своей смысловой нагрузке отделена и от возраста, и от болезни. Но какова эта смысловая нагрузка, УК РФ не отмечает.

В Кодексе административного судопроизводства РФ (п. 2 ч. 1 ст. 278, п. 2 ч. 6 ст. 280) бес-

помощность упомянута в качестве последствия тяжелого психического расстройства. Но в чем именно состоит беспомощность, также не расшифровывается.

Создается впечатление, что законодатель вольно или невольно частично обращается к ст. 21 УК РФ, используя медицинскую составляющую, но все, образно говоря, «сваливая в одну кучу» (с содержательно-терминологической точки зрения).

Практика применения термина «беспомощность» лишь подтверждает отсутствие единообразия в его понимании и истолковании. В то же время упомянутые терминологические границы порой меняются. Так, в утвержденных Минздравом России «Клинических рекомендациях «Психические расстройства и расстройства поведения, связанные с употреблением психоактивных веществ. Амнестический синдром» приводятся следующие признаки амнестического синдрома тяжелой степени: «беспомощность и опасность для жизни, связанная с амнестической дезориентировкой, неспособность к самообслуживанию; ложные воспоминания»². Как видим, «неспособность к самообслуживанию», которая в силу определения, данного законом РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», вроде бы и является беспомощностью, но, тем не менее, отделена в указанных клинических рекомендациях от «беспомощности». При этом, что такое именно «беспомощность», в данном случае не определяется.

В «Методических рекомендациях по подготовке и организации профессионального ориентирования обучающихся с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья в инклюзивных школах», направленных письмом Минобрнауки России от 2 февраля 2016 г. № ВК-163/07, упоминается о таком феномене, как «выученная беспомощность», который расшифровывается как «уменьшение мотивации к преодолению трудностей вследствие наличия опыта безуспешных попыток»³.

² Клинические рекомендации «Психические расстройства и расстройства поведения, связанные с употреблением психоактивных веществ. Амнестический синдром»: утв. Минздравом России. Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

³ О направлении методических рекомендаций (вместе с Методическими рекомендациями по подготовке и организации профессионального ориентирования обучающихся с инвалидностью и ОВЗ в инклюзивных школах): письмо Минобрнауки России от 2 февр. 2016 г. № ВК-163/07 // Вестник образования России. 2016. № 8.

В утвержденных Минздравом России «Клинических рекомендациях «Психические и поведенческие расстройства, вызванные употреблением психоактивных веществ. Пагубное (с вредными последствиями) употребление» термины «беспомощность» и «выученная беспомощность» применены без расшифровки их смысла, причем термин «беспомощность» отделен от термина «неспособность решать проблемы»⁴.

В утвержденных Минздравом России «Клинических рекомендациях «Психические и поведенческие расстройства, вызванные употреблением алкоголя. Синдром зависимости от алкоголя» термины «беспомощность» и «выученная беспомощность» применены также без расшифровки их смысла. Кроме того, рекомендации используют термин «интеллектуальная беспомощность», который применен при указании признаков конечной (третьей) стадии синдрома зависимости от алкоголя, и о значении этого термина можно судить лишь по выражению «интеллектуальная беспомощность, достигающая степени алкогольного слабоумия»⁵.

В рекомендациях по предупреждению психологического неблагополучия у медицинских работников в период пандемии COVID-19, а также в рекомендациях для медицинских работников по совладанию со стрессом в условиях пандемии COVID-19, направленных письмом Минздрава России «О направлении рекомендаций по вопросам организации психологической и психотерапевтической помощи в связи с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19» от 7 мая 2020 г. № 28-3/И/2-6111, в понятие «беспомощность» какой-то смысл, несомненно, вкладывался. Но какой именно, можно только предполагать, поскольку в их тексте какие-либо расшифровки отсутствуют⁶.

⁴ Клинические рекомендации «Психические и поведенческие расстройства, вызванные употреблением психоактивных веществ. Пагубное (с вредными последствиями) употребление»: утв. Минздравом России. Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Клинические рекомендации «Психические и поведенческие расстройства, вызванные употреблением алкоголя. Синдром зависимости от алкоголя»: утв. Минздравом России. Документ опубликован не был // Там же.

⁶ О направлении рекомендаций по вопросам организации психологической и психотерапевтической помощи в связи с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19: письмо Минздрава России от 7 мая 2020 г. № 28-3/И/2-6111. Документ опубликован не был // Там же.

В указанных рекомендациях слово «беспомощность» применено в следующих выражениях: «чувство беспомощности из-за неспособности защитить близких», «чувство беспомощности, скуки или апатии в связи с изоляцией или карантином», «Ваши чувства, в числе которых усталость, душевная боль и порой ощущение беспомощности, не являются признаком человеческой слабости, свидетельством того, что лично Вы не справляетесь с работой». Понятно, что внесение терминологической ясности не являлось целью указанных рекомендаций, но содержание термина «беспомощность» от этого яснее не стало.

Каков же наш вывод из вышеизложенного? Данный вывод оказывается аналогичным выводу о понятии и содержании термина «иные действия сексуального характера». Вывод этот заключается в том, что в уголовном законе, как, впрочем, и в иных российских законах и других нормативных правовых актах, отсутствует однозначное и сколько-нибудь полное определение содержания понятий «беспомощное состояние» и «беспомощность». Наше предположение будет аналогичным тому, что уже было высказано в отношении понятия «иные действия сексуального характера», а именно: указанное отсутствие обусловлено в том числе и тем, что формирование, выработка самих понятий «беспомощное состояние» и «беспомощность» выходит за пределы компетенции собственно юриспруденции и, следовательно, не может быть полноценно произведена в рамках исключительно этой науки без участия в решении данной проблемы иных научных дисциплин (трансдисциплинарность), имеющих отношение к предмету нашего обсуждения.

Заключение

Таким образом, в федеральных законах, прежде всего в УК РФ, следует закрепить определения понятий «иные действия сексуального характера», «беспомощное состояние» и «бес-

помощность», которые должны быть выработаны совместными усилиями наиболее квалифицированных представителей всех наук, имеющих отношение к данному явлению, в том числе психиатрии, психологии, сексологии, социологии и юриспруденции. Исходя из этой объективной необходимости проведения трансдисциплинарных исследований, в данной статье психиатр и юристы попытались привлечь внимание к проблематике содержания важных юридически значимых терминов, используемых в ст. 132 УК РФ.

В этом смысле принципиальным является применение трансдисциплинарного подхода для достижения единства понимания специально-юридической терминологии средствами иных наук, в том числе судебной психологии, сексологии и судебной психиатрии. Такое единство понимания должно выразиться в системе единых (нормативных) источников информации, созданных в процессе реализации такого трансдисциплинарного подхода для удобства единообразного применения права органами публичной власти и их должностными лицами при возникновении сомнений в содержании многозначных и имеющих межнаучный характер категорий и терминов юриспруденции, как в отдельных отраслях права, так и в общей теории права.

Завершить наши рассуждения стоит словами М.С. Гусельцевой: «Принципиальная важность трансдисциплинарного подхода к изучению человека в транзитивном обществе фундирована тем, что такие черты современной исследовательской реальности, как сверхсложность, неопределенность, текучесть, разнообразие и т.п., побуждают к разработке более тонкого, подвижного и способного схватывать и интегрировать многомерность человеческого бытия методологического инструментария» [6]. Трудно с этим не согласиться, особенно в реалиях регулирования социальных отношений в 20-е гг. XXI в.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Спирин М.Ю. Основные подходы к пониманию источника права / М.Ю. Спирин. — DOI 10.18287/2542-047X-2020-6-3-7-13. — EDN AQHFSA // Юридический вестник Самарского университета. — 2020. — Т. 6, № 3. — С. 7–13.
2. Семенов В.М. Злоупотребление правом, или Улыбка Чеширского Кота / В.М. Семенов. — Самара : Инсома-пресс, 2018. — 218 с.
3. Носачев Г.Н. Базовые клинические нейронауки и междисциплинарность / Г.Н. Носачев. — DOI 10.25557/2074-014X.2019.11.65-72. — EDN DQEEQM // Психическое здоровье. — 2019. — № 11. — С. 65–72.
4. Носачев Г.Н. Дефицит институционального общения как одна из причин кризиса психиатрии / Г.Н. Носачев. — EDN ZDSVTF // Социальная и клиническая психиатрия. — 2019. — Т. 29, № 1. — С. 73–78.
5. Крылов В.И. Клиническая психопатология и доказательная медицина (проблема методологии диагноза) / В.И. Крылов. — EDN OEZKYH // Психиатрия и психофармакотерапия. — 2013. — № 4. — С. 9–13.

6. Гусельцева М.С. Трансдисциплинарный подход в современной психологии / М.С. Гусельцева. — EDN YTCVQL // Вопросы психологии. — 2018. — № 5. — С. 3–12.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.А. Ашин, А.П. Войтович, Б.В. Волженкин [и др.] ; под ред. А.И. Чучаева. — 2-е изд. — Москва : Инфра-М, 2010. — 1032 с.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Ю.В. Грачева, Л.Д. Ермакова, Г.А. Есаков [и др.] ; отв. ред. А.И. Рарог. — 7-е изд. — Москва : Проспект, 2011. — 824 с.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.А. Ашин, А.П. Войтович, Б.В. Волженкин [и др.] ; под ред. А.И. Чучаева. — 3-е изд. — Москва : Контракт, 2011. — 1086 с.
10. Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный) / Т.К. Агузаров, А.А. Ашин, П.В. Головненков [и др.] ; под ред. А.И. Чучаева. — Москва : Контракт, 2012. — 624 с.
11. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Т.К. Агузаров, А.А. Ашин, П.В. Головненков [и др.] ; под ред. А.И. Чучаева. — Москва : Контракт, 2013.
12. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). В 2 т. Т. 1 / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Э.Н. Жевлаков [и др.] ; под ред. А.В. Бриллиантова. — 2-е изд. — Москва : Проспект, 2015. — 792 с.
13. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Г.А. Есаков [и др.] ; под ред. Г.А. Есакова. — 7-е изд. — Москва : Проспект, 2017. — 736 с.
14. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). В 4 т. Т. 2. Особенная часть. Разд. VII–VIII / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов [и др.] ; отв. ред. В.М. Лебедев. — Москва : Юрайт, 2017. — 371 с.
15. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / С.А. Боженок, Ю.В. Грачева, Л.Д. Ермакова [и др.] ; отв. ред. А.И. Рарог. — 11-е изд. — Москва : Проспект, 2017. — 912 с.
16. Жмуров В.А. Клиническая психиатрия / В.А. Жмуров. — Элиста : Джангар, 2010. — 1272 с.

REFERENCES

1. Spirin M.Yu. Basic Approaches to Understanding the Source of Law. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta = Juridical Journal of Samara University*, 2020, vol. 6, no. 3, pp. 7–13. (In Russian). EDN: AQHFSA. DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-3-7-13.
2. Semenov V.M. *The Abuse of Law, or the Cheshire Cat's Smile*. Samara, Insoma-press Publ., 2018. 218 p.
3. Nosachev G.N. Basic Clinical Neuroscience and Interdisciplinarity. *Psikhicheskoe zdorov'e = Psychological Health*, 2019, no. 11, pp. 65–72. (In Russian). EDN: DQEEQM. DOI: 10.25557/2074-014X.2019.11.65-72.
4. Nosachev G.N. Lack of Institutional Communication as a Cause of Crisis in Psychiatry. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikiatriya = Social and Clinical Psychiatry*, 2019, vol. 29, no. 1, pp. 73–78. (In Russian). EDN: ZDSVTF.
5. Krylov V.I. Clinical Psycho-pathology and Evidentiary Medicine (problems of diagnosis methodology). *Psikiatriya i psikhofarmakoterapiya = Psychiatry and Psychopharmacotherapy*, 2013, no. 4, pp. 9–13. (In Russian). EDN: OEZKYH.
6. Guseltseva M.S. A Trans-disciplinary Approach to Contemporary Psychology. *Voprosy psikhologii = Questions of Psychology*, 2018, no. 5, pp. 3–12. (In Russian). EDN: YTCVQL.
7. Ashin A.A., Voitovich A.P., Volzhenkin B.V. et al.; Chuchae A.I. (ed.). *Comments to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article)*. 2nd ed. Moscow, Infra-M Publ., 2010. 1032 p.
8. Gracheva Yu.V., Ermakova L.D., Esakov G.A. et al.; Rarog A.I. (ed.). *Comments to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article)*. 7th ed. Moscow, Prospekt Publ., 2011. 824 p.
9. Ashin A.A., Voitovich A.P., Volzhenkin B.V. et al.; Chuchae A.I. (ed.). *Comments to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article)*. 3rd ed. Moscow, Kontrakt Publ., 2011. 1086 p.
10. Aguzarov T.K., Ashin A.A., Golovnenkov P.V.; Chuchae A.I. (ed.). *Comments to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article)*. Moscow, Kontrakt Publ., 2012. 624 p.
11. Aguzarov T.K., Ashin A.A., Golovnenkov P.V.; Chuchae A.I. (ed.). *Comments to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article)*. Moscow, Kontrakt Publ., 2013.
12. Brilliantov A.V., Dolzhenkova G.D., Zhevnikov E.N.; Brilliantov A.V. (ed.). *Comments to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article)*. 2nd ed. Moscow, Prospekt Publ., 2015. Vol. 1. 792 p.
13. Barysheva K.A., Gracheva Yu.V., Esakov G.A.; Esakov G.A. (ed.). *Comments to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article)*. 7th ed. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 736 p.
14. Brilliantov A.V., Galakhova A.V., Davydov V.A.; Lebedev V.M. (ed.). *Comments to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article)*. Moscow, Yurait Publ., 2017. Vol. 2. 371 p.
15. Bozhenok S.A., Gracheva Yu.V., Ermakova L.D.; Rarog A.I. (ed.). *Comments to the Criminal Code of the Russian Federation*. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 912 p.
16. Zhmurov V.A. *Clinical Psychiatry*. Elista, Dzhangar Publ., 2010. 1272 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Носачев Геннадий Николаевич — профессор кафедры психиатрии Самарского государственного медицинского университета, доктор медицинских наук, профессор, г. Самара, Российская Федерация; e-mail: nosachev.g@mail.ru.

Спирин Михаил Юрьевич — доцент кафедры теории и истории государства и права и международного права Юридического института Самарского национального исследовательского университета имени академика

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nosachev, Gennadiy N. — Professor, Chair of Psychiatry, Samara State Medical University, Doctor of Medicine, Professor, Samara, the Russian Federation; e-mail: nosachev.g@mail.ru.

Spirin, Mikhail Yu. — Ass. Professor, Chair of the Theory and History of State and Law and International Law, Law Institute, Samara National Research University named after S.P. Korolyov, Chairperson, Samara Regional Branch of the Inter-regional Association of Theorists of State and Law, Ph.D. in

С.П. Королева, председатель Самарского регионального отделения Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, кандидат юридических наук, доцент, г. Самара, Российская Федерация; e-mail: smy@samaradom.ru.

Семенов Владимир Михайлович — юрист, г. Самара, Российская Федерация; e-mail: semenov.vladimir.samara.211110@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Носачев Г.Н. Трансдисциплинарность как средство достижения единства источников терминологии и регулирования (на примере казуса обвинения по статье 132 УК РФ) / Г.Н. Носачев, М.Ю. Спирин, В.М. Семенов. — DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(6).700-711. — EDN WCSHXA // Всероссийский криминологический журнал. — 2022. — Т. 16, № 6. — С. 700–711.

Law, Ass. Professor, Samara, the Russian Federation; e-mail: smy@samaradom.ru.

Semenov, Vladimir M. — Practicing Lawyer, Samara, the Russian Federation; semenov.vladimir.samara.211110@yandex.ru.

FOR CITATION

Nosachev G.N., Spirin M.Yu., Semenov V.M. Transdisciplinarity as a Means of Achieving the Unity of Terminology and Regulation Sources (Using the Example of an Accusation Casus Under Article 132 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2022, vol. 16, no. 6, pp. 700–711. (In Russian). EDN: WCSHXA. DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(6).700-711.